

Корр.: Когда и при каких обстоятельствах П. А. Столыпин произнёс пророческие слова: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия», которые до сих пор актуальны?

В. М. Лавров: Этим словам П. А. Столыпина уже 105 лет. Они сказаны 10 мая 1907 года в Государственной думе и обращены к оппозиционерам, которые критически воспринимали самого Столыпина и проводимые им преобразования. И если эту фразу Петра Аркадьевича периодически вспоминают, то предшествующее ей высказывание порядком забыто. Вот оно: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций». Согласитесь, это современно звучит и сейчас.

Корр.: А кому конкретно адресованы эти высказывания П. А. Столыпина?

В. М. Лавров: Они адресованы прежде всего радикальной оппозиции – социалистам-революционерам (эсерам), социал-демократам (большевикам и меньшевикам), а также лидерам конституционных демократов (кадетов). Беда тогдашнего нашего парламентаризма заключалась в том, что все крупнейшие партии сыграли революционную роль в истории. В Февральской революции важнейшая роль принадлежала отнюдь не большевикам, а лидерам октябристов и кадетов. До царского манифеста 17 октября 1905 года создание партий в России было запрещено, а когда разрешили,

они возникли вокруг известных людей. То, что на Западе естественно складывалось годами и десятилетиями, у нас произошло скоротечно, и в результате сложился чрезмерный вождизм. Что же касается партий, которые возникали в подполье, – там вождизм процветал ещё больше. И в решающие моменты именно вожди принимали решения, исходя из своих завышенных амбиций и личных взглядов.

Корр.: Какова Ваша точка зрения как историка: столыпинские реформы проводились в верном направлении?

В. М. Лавров: Рыночно-буржуазный вектор реформ был, безусловно, верным. Отсюда и сегодняшний интерес к тому историческому опыту. Кстати, А. И. Солженицын дал аргументированно высокую оценку реформам в до сих пор недооценённой книге «Красное колесо». Президент Российской Федерации В. В. Путин, ещё в бытность премьер-министром, предложил поставить памятник Столыпину рядом с Белым домом, со зданием правительства.

Корр.: Если реформы проводились в интересах страны, то почему убили Столыпина? И почему террорист стрелял в премьер-министра, а не в царя?

В. М. Лавров: Такие незаурядные люди, как Столыпин, призываются на высшие должности, когда в стране всё плохо. В 1906 году ситуация в России была очень тяжёлая, и царь обратил внимание на энергичного и честного, мужественного и сравнительно молодого губернатора.

П. А. Столыпину удалось обуздать революцию посредством применения жёстких мер. Но Николай II и Столыпин прекрасно понимали, что одними репрессиями проблемы не решить, необходимы серьёзные преобразования, в том числе и в аграрном секторе.

Однако масштабные преобразования всегда вызывают сопротивление бюрократии, которая стремится сохранить привычную жизнь, свои привилегии. И реформы Столыпина вызвали саботаж со стороны чиновничества. Наконец, оппозиционные силы, особенно эсеры и большевики, сознавали: если столыпинские реформы увенчаются успехом, если России удастся обуздать сверху, то у них нет шансов возглавить победоносную революцию снизу. Потому в работах Ленина мы находим только критику деятельности Столыпина, доходящую до ненависти к выдающемуся главе правительства.

Террорист Богров – двадцатичетырёхлетний несостоявшийся юрист, увлекшийся анархистско-коммунистической и эсеровской литературой, находился 1 сентября 1911 года в зале театра в Киеве, где были и Николай II, и Столыпин, то есть преступник мог стрелять и в царя. В архиве сохранилась запись допроса Богрова. Он заявил, что стрелял в премьер-министра, так как именно тот обуздал революцию 1905–1907 годов. А затем террорист разоткровенничался, что, мол, хотел-таки стрелять в царя, но из-за своей национальности боялся спровоцировать еврейские погромы в Киеве, вот и остановился на премьер-министре.